

ственного своеобразия писателей. В этом отношении не является исключением и глава о Пушкине, хотя писали ее четыре виднейших знатока творчества поэта.

Больше всего споров, по мнению Н. Л. Степанова, может вызвать X том. Как бы мы ни расценивали модернизм и символизм, односторонность оценок, которая есть в этом томе, представляется неоправданной, особенно для изданий такого рода.

Н. Л. Степанов подчеркнул, что нас не должны смущать отзывы иностранной печати, о которых говорил акад. В. В. Виноградов. В десятичной «Истории русской литературы» при всех отклонениях и шатаниях, вызванных специфичностью и, порой, недостаточной изученностью материала, имеется ясность цели, методологических позиций, базирующихся на научной основе марксизма-ленинизма.

Канд. филол. наук У. Р. Фохт, сравнив десятичник с пятичной историей русской литературы под редакцией Овсянко-Куликовского, высказал мнение, что десятичная «История русской литературы», написанная с марксистских методологических позиций, в общем отменяет пятичник, хотя и в нем остается немало ценного материала.

У. Р. Фохт отметил, что его не удовлетворило выступление Б. П. Городецкого, который, уделив столь много внимания статистике, не попытался раскрыть того, что же десятичник дал нового для понимания истории русской литературы.

Говоря о недостатках десятичника, У. Р. Фохт указал, в частности, на то, что революционный романтизм выпал в нем из литературы XIX в. Такие романтические произведения, например, как «Русские женщины» Некрасова и ряд других, рассматриваются как произведения реалистические.

У. Р. Фохт поддержал предложение А. Н. Соколова о том, чтобы сразу же приступить к работе по подготовке переиздания десятичника в улучшенном виде.

Канд. филол. наук М. И. Мальцев отметил, что десятичная «История русской литературы» является долгожданным и ценным пособием для каждого преподавателя и студента филологических факультетов. Вместе с тем он считает, что затянувшееся на долгие годы издание истории литературы обусловило известный разбой, в том числе и в методологическом подходе к литературному процессу. В оценке некоторых литературных явлений порой дает себя знать конъюнктура, что особенно заметно, по его мнению, в оценке высказываний Белинского и А. Григорьева о творчестве Пушкина. Он считает также, что составители десятичника недостаточно учитывали новые открытия и суждения других исследователей, придерживались канонизированных точек зрения, что иногда приводило к ошибкам и ляпсусам. Так, в VI томе Белкин из пушкинских повестей превращен в помещика-крепостника. У Пушкина, по мнению оратора, ничего подобного нет. М. И. Мальцев сказал, что он пытался выступить против этой вулгаризации образа Белкина в «Ученых записках» Чебоксарского пединститута. Однако Н. Л. Степанов, рецензировавший его статью, отверг ее, сославшись на то, что автор «безуспешно пытается опровергнуть давно установившееся мнение».

Переиздание «Истории русской литературы» дело трудное. М. И. Мальцев высказался за то, чтобы спорные и нерешенные в ней вопросы теперь же стали предметом обсуждения в литературоведческих журналах.

Развернутое выступление доктора филол. наук Б. В. Михайловского было целиком посвящено разбору X тома, который, по его мнению, является полезным вкладом в изучение истории русской литературы предоктябрьского периода.

Отметив недостатки композиционного построения тома, Б. В. Михайловский сделал ряд и других критических замечаний. Важный методологический недостаток книги, по его мнению, состоит в том, что авторы не ставят вопроса о своеобразии русской литературы по сравнению с западной литературой данной эпохи, не ставят вопроса о месте русской литературы в мировой литературе данного периода. В главах, посвященных литературным течениям, нет развернутой характеристики литературных направлений, нет характеристики философско-эстетических предпосылок различных художественных методов и стилей. В первую очередь это касается социалистического реализма. Так, авторы обширной главы о Горьком не раскрывают содержания этого художественного метода, не показывают, когда и как складывался метод социалистического реализма в творчестве Горького, как он развивался и в чем состояло новаторство Горького. Особенно бросается в глаза стремление авторов X тома сгладить различия между критическим реализмом участников «Знания» и искусством основоположника социалистического реализма, стремление «подтянуть» «знаньевцев» к Горькому. Было бы лучше не выдвигать в качестве исходной формулу о едином фронте Горького и «знаньевцев». Отчетливо проступает в томе и другая ошибочная тенденция — «вытравление» романтизма: отрицание элементов романтизма в творчестве прогрессивных писателей или умалчение об этих элементах и подчеркивание романтизма у писателей реакционных.

Б. В. Михайловский считает, что совершенно недостаточно у большинства авторов тома освещается проблема художественной формы. Он отметил также и другие недостатки.

В общем заключительный том «Истории русской литературы» может быть использован главным образом своими монографическими главами, заявил Б. В. Михайловский, а вопросы о литературных направлениях и стилях, как правило, не получают развернутого, ясного, убедительного решения.